

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Лапина Н.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

В научной литературе сложилось мнение, что во Франции существует особая национальная модель элиты, для которой характерны: наличие диплома привилегированной «большой школы», высокая степень гомогенности, закрытость элит, их принадлежность к высшим слоям общества. Автору представлялось интересным проверить релевантность существующих утверждений и выяснить, сохранилась ли французская национальная модель элиты в начале XXI в. В статье на основе материалов эмпирического исследования, проведенного во Франции (2012-2014 гг.), анализируется состав французской политической элиты, формальные и неформальные признаки принадлежности к элитному слою. Показано, что основными формальными признаками французской политической элиты являются: широкая социальная база рекрутирования, обучение в привилегированных учебных заведениях, локальная/партийная укорененность, длительность пребывания в элитном статусе, связь политики и государственной службы, верность республиканскому пакту, уважение к культуре. Среди неформальных признаков принадлежности к элите выделяются: знание элитных кодов, владение языком, способность создавать закрытые социальные сети и накапливать социальный капитал.

Ключевые слова: Франция, элита, рекрутирование, аппаратная карьера, государственная служба, профессия политика, формальные признаки элиты, неформальные признаки элиты.

В научной литературе существует мнение, что во Франции сложилась особая национальная модель элиты, для которой характерны: наличие диплома привилегированной «большой школы», закрытость элит

и высокая степень гомогенности, их принадлежность к высшим слоям общества (Хартман 2012; Suleiman 2008). Французский национальный случай, по мнению немецкого социолога М. Хартманна, уникален, поскольку все перечисленные факторы слиты воедино, чего нет в других европейских странах (Хартман 2012: 11).

Представлялось интересным проверить релевантность данных утверждений, выяснить, сохранилась ли особая французская национальная модель элиты в начале XXI в. В 2013–2015 гг. автором статьи проводилось эмпирическое исследование «Французские политические институты и акторы: традиции и современность», в ходе которого методом полуструктурированного интервью были опрошены французские политики — нынешние и бывшие депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов ведущих политических партий, эксперты — специалисты и высокопоставленные государственные служащие. Всего было проведено 42 интервью продолжительностью 50–90 мин. каждое¹. Исследование ограничилось изучением политической элиты современной Франции. Первоначально на основе полученных материалов были описаны карьерные траектории французских политиков и особенности работы политика во Франции в начале XXI столетия (Лапина 2014). В статье анализируется состав французской политической элиты и отличающие ее представителей формальные и неформальные признаки.

Автор выражает глубокую благодарность Дому наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его Администратору М. Вивьорке (M. Wiewiorka). Хочу выразить признательность моим друзьям — Од д'Аркур (Haude d'Harcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование вряд ли удалось бы осуществить. Также благодарю руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН Ю.И. Рубинского за интерес, проявленный к исследованию, и ценные рекомендации.

¹ Интервью проводились на условиях анонимности, в тексте они приводятся в кавычках и выделены курсивом. Также использованы интервью, проведенные автором во Франции в рамках совместного с А.Е. Чириковой исследования (2008) — (Чирикова, Лапина 2009).

КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ

Во Франции понятие «элита», писал Р. Арон, пользуется дурной славой. Французские исследователи до сегодняшнего дня с большой осторожностью используют этот термин, предпочитая заменять его такими синонимами, как «правлящий класс», «буржуазия», «аристократия». Не только исследовательское сообщество, но и французское общество питает недоверие к элитам. Опрос, проведенный в 2013 г. Центром изучения французской политики (CEVIPOF), показал, что большинство французов не доверяют политическим деятелям (Fractures françaises 2013).

Далеко не всегда и не во всех кругах понятие «элита» вызывало отторжение. Основатель V Республики генерал де Голль в проекте строительства новой Франции важное место уделял новой элите (Голль 2006). Принадлежность к элите определялась для него личными заслугами человека. В состав элиты Ш. де Голль включал тех, кто в годы Второй мировой войны воевал с ним за освобождение Франции, а также государственных служащих, которые, как полагал основатель V Республики, готовы бескорыстно служить отечеству.

В интервью участникам исследования задавался вопрос, кого они относят к элите и по каким критериям выделяют ее представителей. Респонденты отмечали общую для всех политиков особенность: республиканскую легитимность. *«В Республике политической элитой являются все лица, которые прошли через процедуру выборов. Президент, депутаты являются элитой, поскольку избраны нацией в ходе всеобщего голосования»*. Политическая элита в отличие от аристократии, за которой закреплены передающиеся из поколения в поколение титулы, и высших государственных чиновников, статус которых гарантирован, по окончании выборного мандата обязаны участвовать в новых выборах, тем самым подтверждая свою принадлежность к элитному слою. Ротация партий у власти даже уважаемому и известному политику не гарантирует победу на выборах, хотя и не означает его автоматического выбывания из элиты: *«Нет такой другой профессии, где каждые пять лет твой статус ставился бы под сомнение»*.

Отвечая на вопрос, кто входит в состав французской политической элиты, участники исследования предлагали различные ответы. Одними принадлежность к политической элите определялась в соответствии со статусом в политической иерархии; другими — степенью влияния конкретных политиков; третьи связывали ее с известностью политика.

В соответствии с первым подходом, политическая элита включает в себя лиц, занимающих высшие позиции во французских политических институтах. Большую роль также играет оценка институциональной среды: отождествление Франции с централизованным государством порождает «зауженное» представление о политической элите, в свою очередь признание результатов политики децентрализации приводит к «расширенному» толкованию этого понятия.

В рамках «зауженного» подхода политическая элита воспринимается как *«немногочисленный слой политиков»*, к которому участники исследования относят первых лиц государства — президента Республики, премьер-министра, ключевых министров. Большинство респондентов полагают, что *«правлящая элита — это узкий круг людей»*, *«их очень немного»*.

Центральным звеном в системе французских политических институтов является президент Республики. За главой государства закреплён широкий круг полномочий. Президент Франции является основным гарантом национальной независимости, он отвечает за внешнюю и оборонную политику, в условиях кризиса может осуществлять чрезвычайные полномочия (Конституция 1958). На протяжении истории V Республики, подчёркивает участник исследования, *«неуклонно возрастало влияние Елисейского дворца. Этот процесс последовательно развивался сначала при де Голле, затем при Жискара д'Эстене и Миттеране»*.

«Правительство, — записано в Конституции, — определяет и проводит политику Нации» (Конституция 1958). В реальности, подчёркивают специалисты, режим V Республики предполагает, что определение политики входит в компетенцию президента (Formery 2012: 56). Президент назначает премьер-министра и председательствует на заседаниях совета министров. Исключением является ситуация, когда президент и премьер-министр принадлежат к разным политическим партиям.

Президент, размышляет политик со стажем, лучше чувствует себя, когда рядом с ним *«сильный»*, компетентный глава кабинета министров. В критической ситуации премьер-министр становится *«цитом»* для президента, ограждая его от общественного недовольства. В моменты «сосуществования» отношения между первыми лицами государства меняются: премьер-министр определяет государственную политику и руководит деятельностью правительства, а президент исполняет функцию находящегося «над схваткой» арбитра (Lionel raconte Jospin 2010).

В современной Франции роль премьер-министра «размыта». Н. Саркози называл премьер-министра Ф. Фийона своим «сотрудником». Более чем скромной была роль премьер-министра Ж.-М. Эйро (2012-2014). «Премьер-министр становится технической фигурой, он играет несравненно меньшую роль, чем генеральный секретарь Елисейского дворца¹». Говоря об институциональном влиянии министров, респонденты выделяют тех из них, кто занимает ключевые позиции в кабинете: министра обороны, министра иностранных дел, министра экономики, министра финансов.

Авторы Конституции 1958 г. ставили своей целью изменение баланса сил между представительной и исполнительной ветвями власти в пользу последней. Изначально в соответствии с Конституцией V Республики распорядок деятельности парламента строго регламентировался правительством; ответственность правительства перед парламентом снижалась; парламента частично утрачивал законотворческую инициативу.

Дает ли депутатский мандат право называться политической элитой? Мнения участников исследования по этому вопросу разделились. Одни считают, что «у парламента во Франции нет большого влияния», а следовательно, народные избранники не играют роли в политическом процессе. Есть и другая точка зрения: говорить о снижении роли парламента неправомерно, поскольку он принимает законы, контролирует деятельность правительства, оценивает деятельность государственных органов. Участники исследования напоминали, что конституционная реформа 2008 г. расширила полномочия парламента: предоставила законодателям возможность вносить изменения в представляемые правительством законопроекты; более активно участвовать в составлении и обсуждении бюджета.

Как бы респонденты ни оценивали роль парламента в политической системе современной Франции, в одном их мнения совпадают: к элите депутатского корпуса они относят тех депутатов и сенаторов, кто определяет повестку дня и порядок работы палаты, руководителей обеих палат парламента, партийных фракций, ведущих комиссий (комиссия по финансам, комиссия по международным делам), бывших министров, а также депутатов, которые переизбираются в течение нескольких сроков подряд или совмещают ряд выборных должностей.

¹ Генеральный секретарь Елисейского дворца — глава администрации президента Франции. — *Н.Л.*

Когда речь заходит о рядовом депутате, респонденты отмечали, что его возможности ограничены: к мнению депутата представители госаппарата не прислушиваются, на письма и запросы депутатов министры не отвечают, несмотря на то, что в последние годы во Франции институт парламентского контроля был законодательно укреплен. В ряде интервью речь шла об отсутствии независимости у депутатов. Респонденты, не связанные с деятельностью парламента, полагают, что депутаты подчиняются жесткой партийной дисциплине: относящиеся к парламентскому большинству народные избранники подчиняются правительству, а у представителей политической оппозиции возможности маневра крайне ограничены. Подчеркивалось, что ресурсы депутата сократились, поскольку возрос контроль, в том числе финансовый, за деятельностью политических партий. *«Раньше фирмы приглашали депутатов, организовывали поездки и оплачивали их. Теперь все стало сложнее. Депутаты не имеют права принимать подарки. Единственное развлечение, которое у них остается — это членство в парламентской группе дружбы».*

«Расширенный» взгляд на политическую элиту предполагает, что в ее состав наряду с депутатами двух палат парламента входят представители местной элиты: мэры крупных и средних городов, президенты региональных и генеральных (департаментских) советов. *«Ошибочно представлять Францию как суперцентрализованное государство. Исторически Парижский и местные парламента могли отвергнуть королевское решение, вели борьбу с монархией. Местные нотабли являются частью французской элиты»*, — отмечает социолог.

По мере проведения политики децентрализации и расширения полномочий территориальных коллективов их роль существенно возросла. В 1980-1990-е годы в соответствии с законами о децентрализации были созданы институты, получившие ресурсы и политическое влияние. *«Местные бароны во Франции существовали всегда. Децентрализация привела к появлению политиков местного уровня, которым были предоставлены новые права и полномочия»*, — замечает участник опроса. За прошедшие три десятилетия с момента начала политики децентрализации местные политики приобрели подлинную легитимность, пользуются высоким доверием избирателей. *«Местные элиты — новое фундаментальное явление нашей жизни»*, — подчеркивает мэр. В свою очередь политики национального уровня гордятся тем, что укоренены в своих округах. Президенты Франции Ф. Миттеран,

Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд были мэрами, председателями генеральных советов.

Политики местного уровня опираются на поддержку избирателей, среди институтов власти мэрии пользуются высоким уровнем доверия (63%) (Fractures françaises 2014). Работа в исполнительной власти на местах приносит глубокое моральное удовлетворение, делает политика заметным, укрепляет его позиции в политической элите страны. *«Мэр Бордо господин Жюппе может сказать: «Городской трамвай — это дело моих рук». При нем город обновился, его сегодня невозможно узнать. Госпожа Обри тоже может сказать, что Лилль после реставрационных работ — это результат ее деятельности».* О мэрах французских городов Марселя, Лиона, Тулузы, Нанта опрошенные говорили с большим уважением.

Местные нотабли входят в состав политической элиты Франции, многие из них являются депутатами и сенаторами. В повседневной жизни они «по-элитному» ведут себя. Сегодня у мэров появилось свое ближайшее окружение — штат советников, консультантов. В условиях сильного президентского режима все элиты внимательно наблюдают за тем, что происходит в Елисейском дворце и стремятся быть похожими на первое лицо государства.

Второй подход отождествляет элиту со степенью влияния ее представителей. Влияние, с точки зрения участников исследования, является важнейшим критерием принадлежности к элите, и не случайно это слово многократно звучало в интервью. Участники исследования признают, что выявить влияние политика нелегко, поскольку процесс принятия решений непрозрачен, в нем наряду с формальными существуют неформальные процедуры. Чтобы говорить о влиянии, надо находиться *«внутри процесса принятия решений»*. Подлинного автора идеи или политической программы общество может никогда не узнать. *«Всегда сложно определить, кем именно сформулировано политическое предложение. Возможно, текст, который станет важным политическим актом, написан никому не известным чиновником»*, — замечает высокопоставленный государственный служащий.

Если исходить из критерия влияния, в состав политической элиты, на взгляд ряда опрошенных, наряду с первыми лицами входят эксперты, «серые кардиналы», советники, которые нередко определяют политику, проводимую руководством страны. Далеко не все опрошенные готовы относить экспертов к политической элите. *«Роль эксперта*

состоит в том, чтобы помогать, информировать, объяснять, — говорит французский депутат. — Но только политик принимает решения. Эксперты править не должны. Если эксперты управляют страной, это значит, что политики не справляются со своими обязанностями».

«О политиках судят по их делам», — замечает участник исследования. В правительстве влияние определяется эффективностью действий конкретного министра, его профессионализмом, умением отстаивать свою позицию, договариваться и находить компромиссные решения. В Национальном собрании влияние депутата зависит от ряда факторов: руководства ответственным комитетом, активного участия в обсуждении законопроектов. Особую роль играют отношения, сложившиеся у депутата с руководством его партийной фракции в парламенте. Именно руководитель фракции принимает решение, кто из депутатов представляет в парламенте новый законопроект, а кто задает вопросы представителям правительства во время еженедельных встреч в парламенте.

Важную роль играют способности депутата, его профессиональные качества. В процессе обсуждения закона об образовании, вспоминает политик, депутаты Национального собрания обратились за консультацией к депутату, в прошлом профессору университета. Его участие в разработке и обсуждении законопроекта, по мнению коллег, было очень полезным. Культурный и профессиональный капитал депутата был востребован. «Он сразу же стал заметным и уважаемым в депутатском корпусе человеком». В целом респонденты убеждены: «чтобы стать известным политиком, надо много работать, быть серьезным, присутствовать на заседаниях комиссий. Это неблагодарное занятие, которое, тем не менее, может принести результат».

Третий подход предполагает, что к политической элите относятся наиболее известные политики. Первый президент V Республики умело использовал телевидение для укрепления своего политического влияния. Ф. Миттеран также пользовался средствами массовой информации в своих политических целях. В течение первого периода «существования» (1986-1988) он ввел нечто вроде «министерства слова», полагая, что должен высказывать собственное мнение всякий раз, когда возникает опасность нарушения общественных интересов. Наиболее «медийно раскрученным» президентом Франции стал Н. Саркози. «Он должен был постоянно находиться перед камерами, окруженный журналистами. Любое событие становилось поводом для его появления на публике», — вспоминает респондент.

Президент — первое лицо государства. Его стиль, поведение оказывают серьезное влияние на других представителей политической элиты. Послушаем, что говорит мэр одного из округов Парижа: *«Меня довольно часто приглашают на различные передачи в качестве эксперта. Это дает поразительный эффект: вы выступаете в течение пяти минут по телевидению, и на следующий день люди на улице вас узнают»*. Постоянное присутствие политика в СМИ делает его заметным, *«дает дополнительный шанс в ходе избирательной кампании»*. Депутат, желающий быть переизбранным, с этим мнением согласны многие опрошенные, должен постоянно *«находиться в медийном пространстве»*. В ряде интервью отмечалось, что не востребованные СМИ политики испытывают депрессию, глубокий стресс. *«Политики напоминают мне больших детей, — говорит сотрудник аппарата Национального собрания. — Они тяжело переживают «забвение» и обижаются на журналистов»*.

Коммуникация, как это следует из интервью, понимается в политической среде по-разному. Многие депутаты, в отличие от их старших коллег, *«годами занимавшихся в парламенте одними и теми же вопросами»*, увлечены «политическим серфингом». «Политики-серфингисты» *«порхают с одной темы на другую»*. Главной целью такого политика является присутствие в медийном пространстве. Новые средства коммуникации помогают ему включиться в процесс коммуникации. Эмпирическое исследование, проведенное в 2014 г., показало, что 90% депутатов Национального собрания имеют собственные сайты, 60% активно общаются в Twitter (Radiographie 2013). Эта тенденция нарастает с 2011 г., ею в большей степени охвачены депутаты-мужчины, чем депутаты-женщины. Нередко для политиков, которые хотят постоянно находиться в центре внимания, коммуникация становится важнейшим, если не основным, занятием. *«Таких депутатов мало интересует обсуждение в парламенте, на котором они присутствуют. Во время сессии они отвечают на вопросы, дают комментарии»*. Исследование интернет-активности депутатов свидетельствует, что парламентарии чаще всего используют Tweeter в те часы, когда находятся в стенах парламента. А это означает, что многие из них не выполняют функций, ради которых были избраны в законодательный орган. *«В Национальном собрании, — говорит бывший депутат, — немного депутатов, которые действительно работают. Я был членом комиссии по законодательству. В ней состояло 60 человек, но постоянно работали*

только 30». Остальные занимались установлением личных связей, налаживанием контактов, участвовали в медийных проектах.

Особенностью Франции является особая роль интеллектуальной элиты в общественной жизни страны. О том, что литераторы становятся «государственными деятелями» писал еще А. де Токвиль в классическом труде «Старый порядок и революция» (Токвиль 1997: 112-120). Внимание французской общественности к спорам между интеллектуалами является давней традицией, которая в информационном обществе приобретает особые масштабы. Современная интеллектуальная элита неоднородна; некоторые ее представители, отмечают респонденты, *«не желают состоять при версальском дворе» («многие интеллектуалы теоретизируют, но не хотят ответственности»)*. Другие, такие как П. Бурдьё, хотели стать политическими акторами, но им это не удалось. Третьи являются яркими медийными фигурами и *«играют роль в оживлении политических дискуссий»*. Кто-то идет дальше, оказывая влияние на реальную политику. Одним из них является левый философ, так по крайней мере его представляют СМИ, Б.А. Леви, в прошлом советник президента Н. Саркози, а в настоящее время Ф. Олланда. *«Б.А. Леви поднимает телефонную трубку и звонит президенту»*, — замечает респондент. *«Леви в большой степени министр, чем любой член кабинета»*, — отмечает другой участник исследования. В 1990-е годы Леви зарекомендовал себя как ярый сторонник предоставления независимости Чечне, организатор массовых выступлений в поддержку сторонников независимости кавказской республики. В августе 2008 г. он побывал в Грузии, чтобы засвидетельствовать свою симпатию грузинскому народу. В 2011 г. с его именем связывали проведение военной операции в Ливии. В феврале 2014 г. Б.А. Леви приехал в Киев поддержать участников майдана (Епогме 2014). Активная общественная позиция Б.А. Леви и другого левого философа А. Глюксмана, участниками интервью оценивается скорее негативно, у некоторых вызывая нескрываемое раздражение. Защита прав человека, как считают респонденты, — не столько искренняя забота о том, чтобы в других странах основные права граждан не нарушались, сколько *«политический спектакль»*, позволяющий интеллектуалам *«позиционировать себя на политической сцене, быть в центре внимания»*.

Ответы респондентов на вопрос, кого в современной Франции можно отнести к элите, в целом соответствуют существующим в политической науке подходам. Речь идет о позиционном методе, разработанном

американским социологом Ч.Р. Миллсом и связывающим принадлежность к элите со статусом в социальной иерархии; респондентском методе, относящем к элите лиц, которые непосредственно участвуют в принятии ответственных решений (Р.А. Даль); репутационном методе, в рамках которого представители элиты выделяются в соответствии с их известностью и репутацией. Характерно, что в проведенных интервью не был представлен ценностный подход, сторонники которого убеждены, что вхождение в элиту — результат естественного отбора, в ходе которого происходит приобщение к власти наиболее одаренных и заслуженных людей. Отсутствие последней точки зрения в ответах респондентов, видимо, свидетельствует о том, что они не относят представителей современной элиты к наиболее одаренным и талантливым людям.

Материалы исследования свидетельствуют: большинство опрошенных придерживаются институционального взгляда на элиту, связывая элитные позиции с принадлежностью к определенным политическим институтам. Исключение представляет интеллектуальная элита. Влияние ее представителей не связано с официальным статусом или должностью, но при этом распространяется на общество и власть.

Исследование выявило расхождения в вопросе саморепрезентации его участников. Высокопоставленные чиновники, участвовавшие в исследовании в качестве экспертов, чаще, чем политики, с гордостью говорили о своей принадлежности к элите. Объясняя природу «элитарности», они ссылались на привилегированные учебные заведения, в которых студентов приучают к мысли, что они «лучшие». Политики реже, чем высшие государственные служащие, по крайней мере на словах, применительно к себе использовали определение «элита». Для них главным в собственном статусе является легитимность, которая подтверждается в ходе выборов. Хотя и в этой среде были лица, не без гордости признававшие, что они — часть элиты.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ ВО ФРАНЦИИ

Выше уже отмечалось, что в литературе сложилось мнение относительно существования особой французской национальной модели элиты. В ходе интервью респондентам задавался вопрос: каковы основные признаки французской политической элиты и что объединяет ее представителей? Отвечая на него, участники исследования называли: широкую социальную базу рекрутирования, локальную/партийную укорененность, длительность пребывания в элитном статусе, связь политики

и государственной службы, верность республиканскому пакту, единомыслие, уважение к культуре. В ходе интервью широко обсуждался вопрос о роли привилегированных учебных заведений в процессе формирования элиты.

Широкая социальная база рекрутирования. Опрошенные политики — выходцы из различных социальных слоев. Среди них дети рабочих, сельских хозяев, интеллигенции, буржуазии. Во многих интервью звучала мысль, что политика стала в жизни респондентов важнейшим механизмом социального продвижения, о котором не могли мечтать их отцы и деды. *«Мой дед выращивал коров. Я в чистом виде продукт Республики»*, — замечает респондент. *«Я выходец из простой семьи — отец рабочий, мать — домохозяйка. Моя карьера — пример того, как действовал социальный лифт в те годы, когда он хорошо работал»*, — говорит депутат и бывший министр. В схожей тональности высказывается и бывший президент Франции Н. Саркози: *«Моя жизнь — это путь из низов к самому верху»* (цит. по: Lacouture 2012: 13). Хотя в словах главы государства есть доля лукавства: вряд ли к «низам» общества можно отнести человека, выросшего в аристократическом пригороде Парижа.

Занятие политикой не только дает возможность людям скромного социального происхождения подняться по социальной лестнице, для многих оно становится эффективным механизмом социальной адаптации. Один из респондентов, бывший депутат и министр, родился в среде русской иммиграции, свое детство и юность провел в русском окружении, до 12 лет не говорил по-французски. После окончания школы поступил в Университет и со временем стал преподавателем русского языка и литературы в Сорбонне. Профессиональная карьера стала первым шагом в его личной стратегии социальной адаптации. Вторым шагом стало вступление в голлистскую партию, третьим — избрание мэром французского города. После этого его политическая карьера развивалась по восходящей: депутат Национального собрания, министр высшего образования, в начале 2000-х годов национальный секретарь ОПР¹, в 2007-2012 гг. советник премьер-министра Франции Ф. Фийона.

Мотив адаптации актуален для лиц из семей, которые не обладают ресурсами. Среди них выходцы из иммигрантской среды, ставшие особенно заметными во французской политике в последние годы. В отнюдь

¹ ОПР — голлистская партия Объединение в поддержку республики. — Н.Л.

не полном списке: Р. Дати, в прошлом министр юстиции и хранитель печати (2007-2009 гг.), а ныне депутат Европейского парламента; Ф. Амара, в прошлом министр по вопросам городской политики (2007-2010 гг.); нынешние министр национального образования и научных исследований Н. Валло-Белькасем и министр труда, занятости и профессионального образования М. Эль Хомри. Большинство респондентов с уважением относятся к политике как механизму социального возвышения. Есть и другая точка зрения. *«Я встречал многих политиков, — замечает инспектор финансов¹, в течение ряда лет проработавший в секретариатах министров, — Многие из них пост депутата буквально спас. Политика позволила им выйти из серой жизни безо всякого интереса. Если бы они были на государственной службе или работали на фирме, их никто бы не знал»*. Придерживающиеся этого взгляда респонденты не скрывали своего высокомерного взгляда на политику и политиков, что уже отмечалось в ряде исследований (Suleiman 1973: 747).

Для одних политика способствует продвижению по социальной лестнице, другим помогает сохранить накопленный в семье политический капитал. Среди наследников — потомки аристократических или крупных буржуазных семей: И. Поццо ди Борго, Л. Понятовский, С. Дассо и его сын депутат О. Дассо. Список «политических наследников» более внушительный, в нем бывший министр Р. Башло, отец которой Ж. Наркен был депутатом; мэр Лилля и бывший Первый секретарь ФСП М. Обри, дочь известного французского социалиста Ж. Делора; лидер правой националистической партии «Национальный фронт» М. Ле Пен, дочь основателя партии Ж.-М. Ле Пена, и его внука депутат Национального собрания — М. Марешаль-Ле Пен.

Среди участников исследования были политики, отцы и деды которых были политиками местного или национального уровня. Респонденты подчеркивали, что принадлежность к политической семье сыграла большую роль в их жизни. У них рано проснулся интерес к политике. *«Если бы не мой отец, — признается мэр одного из округов Парижа, — я никогда не стал бы политиком»*. Модель наследования в современной Франции, как считают аналитики, применяется все реже. В большой политике преобладают люди, которые продвигаются на высокие посты

¹ Инспектор финансов — одна из самых высоких должностей в иерархии государственной службы. — *Н.Л.*

благодаря своим деловым качествам, а не поддержке ближайшего окружения или семьи (Femmes 2014). «Наследники — это прошлое, а не будущее французской политики», — замечает респондент.

В социальном отношении, отмечает Ю.И. Рубинский¹, французская элита «мозаична». В ней представлены социальные пласты, которые сформировались в разные исторические эпохи: (1) выходцы из аристократических семей Старого режима; (2) представители крестьянства и средней городской буржуазии, поднявшиеся в годы II Империи; (3) республиканская элита, вышедшая из политических семей III Республики; (4) технократическая элита, связанная с государственной службой и правившая во Франции в течение двух первых десятилетий V Республики. Исследование, осуществленное на большом массиве — анализировался социально-профессиональный состав Национального собрания за 50 лет с момента основания V Республики — позволило социологу Л. Рубану сделать вывод, что представительство высших социальных категорий в депутатском корпусе за прошедшие годы сократилось, а средних слоев выросло (61% в 2007 г.). Среди них преобладали дети учителей и преподавателей высшей школы, многие из которых сами были преподавателями (Rouban 2011: 15, 18).

Обучение в привилегированных учебных заведениях. Во Франции существуют элитные учебные заведения, так называемые «большие школы», в стенах которых готовят будущие элитные кадры. «Когда мы думаем об элите, сразу вспоминаем "большие школы", когда думаем о "больших школах", вспоминаем элиту», — замечает респондент. Вместе с тем прямой связи между профессиональной карьерой политика и обучением в элитном учебном заведении не существует.

«При поступлении в Высшую нормальную школу (ВНШ) в соответствии с республиканской меритократической традицией мы отбираем лучших. В последний год обучения наши студенты могут начать готовиться к поступлению в Национальную школу администрации²», — говорит один из руководителей Высшей нормальной школы. Доля студентов, желающих поступить в ЭНА, невелика — 4-5%. От других

¹ Беседа автора с Ю.И. Рубинским, 23 июля 2015 (архив автора).

² Ecole nationale d'administration, ENA (далее ЭНА) — создана в 1945 г., была призвана готовить новые административные кадры. «ЭНА, — писал де Голль, — это важнейший институт, который станет основой нового государства». (Цит. по: De Gaulle 2008: 90).

учащихся «их отличает открытость», «желание участвовать в общественной жизни». Поступление в ЭНА для выпускников Высшей нормальной школы — это лишь один из путей продвижения в высшие политические сферы. Нередко действует другой механизм, когда выпускника ВНШ приглашают на работу в секретариат министра на должность референта или помощника. Чаще всего это происходит, когда на министерском посту оказывается выпускник школы. Многие сотрудники секретариата министра иностранных дел Л. Фабиуса являются выпускниками ВНШ. Кроме этого ВНШ известна как учебное заведение, имеющее левую политическую ориентацию: «многие кадры Социалистической партии — наши выпускники», — отмечает руководитель этого учебного заведения.

Вокруг «больших школ» во Франции не одно десятилетие ведутся споры. «Наши “большие школы”, — пишет П. Вельц, в прошлом директор престижной Мостостроительной школы, — являются механизмом селекции, эффективными инструментами рекрутирования кадров для котирующихся на Парижской бирже предприятий» (Veltz 2007: 11). Французский социолог П. Бурдьё большое внимание уделял феномену воспроизводства элиты (Bourdieu 1989; Bourdieu, Passeron 1970). Социологические исследования показывают: только 9% студентов «больших школ» — дети рабочих. «В ВНШ воспроизводство элиты — явление поразительное: 75% студентов школы — дети преподавателей, у многих из них дедушки закончили нашу школу», — отмечает руководитель этого учебного заведения. В отличие от наследования политического капитала, речь в данном случае идет о передаче культурного капитала, который накапливался в течение нескольких поколений внутри семьи.

Политику, как отмечалось выше, не обязательно иметь диплом об окончании «большой школы». Анализ образовательного статуса депутатов Национального собрания, проведенный Л. Рубаном, показал, что за 50 лет истории V Республики образовательный уровень народных избранников повысился: в 2007 г. 82,9% депутатов имели диплом о высшем или неоконченном высшем образовании (в 1958 г. их доля составляла 63,2%). Но лишь 3,6% депутатов за указанный период имели диплом ЭНА, 1% были выпускниками престижной Политехнической школы, еще 1% закончили ВНШ (Rouban 2011: 28, 29).

Наличие дипломов привилегированных учебных заведений возрастает по мере продвижения во властной иерархии. Четверо из шести президентов Франции после Ш. де Голля закончили «большие школы»:

Ж. Помпиду — Высшую нормальную школу, В. Жискар д'Эстен, Ж. Ширак, Ф. Олланд — ЭНА. Сегодня во власти находится выпускники ЭНА, учившиеся на одном курсе с Ф. Олландом и его бывшей гражданской женой, а ныне министром экологии, устойчивого развития и энергетики С. Руаяль. Многие премьер-министры и министры Франции обучались в этой привилегированной школе. По подсчетам французского исследователя Э. Жоли, в составах кабинетов министров от А. Жюппе до Ж.-П. Раффарена доля выпускников ЭНА колебалась от четверти до половины (Joly 2005: 161). Правда, в составе последних кабинетов министров выпускников «больших школ» немного. В правительстве Ж.-М. Эйро, сформированном в июне 2012 г., из 37 министров и министров-делегатов лишь четверо закончили ЭНА, один — Высшую нормальную школу, семь человек имели диплом Парижского института политических наук и его филиалов.

Не менее интересны результаты исследования ближайшего окружения¹ Елисейского и Матиньонского дворца и отдельных министерств, проведенного Л. Рубаном в 2015 г. Принято считать, что не обладавший дипломом привилегированного учебного заведения Н. Саркози, не любил выпускников «больших школ». Тем не менее, половина его советников (50%) имели диплом ЭНА. С приходом к власти Ф. Олланда доля выпускников ЭНА в ближайшем окружении президента сократилась до 39%. Среди советников бывшего премьер-министра Ж.-М. Эйро выпускники ЭНА составляли 35%, а нынешнего премьер-министра М. Вальса — 39% (Rouban 2015: 3).

Новой тенденцией последних лет становится аккумулирование дипломов различных «больших школ». Многие представители французской политической элиты обладают дипломами сразу нескольких престижных высших учебных заведений. Президент Франции Ф. Олланд, прежде чем поступить в ЭНА, обучался в Парижском институте политических наук и закончил Высшую коммерческую школу, где изучал бизнес и право. Можно утверждать: в современной Франции усилия честолюбивых молодых людей диверсифицируются. Наличие разных дипломов предоставляет молодому человеку выбор между государственной службой и бизнесом, а ранняя политизация открывает перспективы политической карьеры.

¹ Были исследованы карьерные траектории советников президента Республики, премьер-министра, руководителей секретариатов министерств. — *Н.Л.*

Локальная/партийная укорененность. С конца XIX в. центральное место в политической жизни Франции принадлежало местным нотаблям. В парламенте времен III Республики заседали врачи, юристы, учителя. Карьера нотабля начиналась в профессиональной сфере. Профессия приносила известность, со временем превращалась в социальный капитал, располагая которым можно было начать политическую карьеру. Нотабли были тесно связаны со своими избирателями, хорошо укоренены в той местности, где жили и избирались, и в большей степени представляли локальные интересы, чем национальные (Birnbauм 1994: 41). В годы V Республики половина депутатов Национального собрания (49,3%) начинали свою политическую карьеру на местном уровне. Большинство из них на протяжении своей политической карьеры не меняли коммуны, в которой были избраны впервые (Rouban 2011: 38-41, 50).

Локальная укорененность играет важную роль в политической карьере. Между политическими партиями идет ожесточенная борьба за места в органах местной власти. Причем, партия, находящаяся у власти не обязательно становится победительницей на местных выборах. Правящая с 2012 г. ФСП проиграла муниципальные выборы 2014 г. и департаментские выборы 2015 г. Существует и другой аспект локальной укорененности. Весомую роль в большой политике играют землячества. Многие респонденты в связи с этим вспоминали Министерство внутренних дел, когда министром был Ш. Паскуа (1993-1995). Тогда вместе с министром на ответственные должности пришли корсиканцы. Вместе с нынешним министром иностранных дел Л. Фабиусом — депутатом от департамента Сен-Маритим — на работу в Париж были приглашены выходцы из Нормандии. Две федерации ФСП — в департаменте Нор на севере и Буш-дю-Рон на юге — традиционно служили инкубаторами для партийного руководства. В правящем классе современной Франции хорошо представлены бретонцы: министр обороны Ж.-И. Ле Дриан, министр сельского хозяйства С. Ле Фолль, руководитель фракции ФСП в Национальном собрании Б. Ле Ру — близкие к главе государства лица.

Наряду с локальным существует партийный тип укорененности. В современной Франции получил распространение партийно-аппаратный тип карьеры (Лапина 2014), свидетельствующий об укорененности политика в аппаратных структурах партии. Молодой человек начинает трудовую деятельность в аппарате партии, со временем он обрывает нужными связями и при благоприятном стечении обстоятельств получает предложение участвовать в выборах. В случае удачи за избранием

на пост муниципального советника, мэра, члена или президента регионального совета к 40-44 годам следует избрание депутатом Национального собрания. Этот тип карьеры реализуется при одном условии — поддержке партийного руководства. Анализ состава Национального собрания свидетельствует: доля депутатов-социалистов, сделавших карьеру в недрах партийного аппарата, с 1988 г. стабилизировалась на уровне 25% (2007 г.), в неоголливской ОПП/СНД этот показатель составляет 18% (Rouban 2011: 41). В правительстве Ж.-М. Эйро¹ из 37 министров и министров-делегатов 33 были депутатами Национального собрания, Сената или Европарламента. Они ранее избирались на местных выборах — в муниципальные, департаментские и региональные советы. Но главное, что их объединяло, — это успешная карьера внутри партии: 21 из 37 министров находились на руководящих постах в своих партиях. Аналогичная тенденция просматривается при анализе карьерных траекторий ближайшего окружения президента и премьер-министра, а также мэров, руководящих городами с численностью жителей выше 30 тыс. человек (Rouban 2015a: 3; Rouban 2015b).

Оба типа укорененности — локальная и партийная — тесно взаимосвязаны. Вернее, одно не существует без другого. Профессиональный политик должен быть локально укоренен: либо в той местности, откуда он родом, либо там, куда он был «парашютирован» своей партией.

Длительность пребывания в элитном статусе. Важным показателем принадлежности к элите респонденты считают способность ее представителей на протяжении длительного времени сохранять свой статус. «Понятие «элита» включает в себя непрерывность». Отличительным свойством элиты является способность «существовать во времени и институционализировать свою власть в определенной сфере».

Во Франции был выработан эффективный механизм совмещения мандатов, позволяющий политику длительное время находиться на выборных должностях. Из 577 депутатов в нынешнем составе Национального собрания только 109 депутатов не имели второго мандата, из 348 сенаторов — 84. Непрерывное пребывание на политических должностях способствует накоплению политического и социального капитала, делает политика более опытным и профессиональным. «Пере-

¹ Правительство Ж.-М. Эйро, сформированное в июне 2012 г., было коалиционным, в него вошли представители ФСП, Партии левых радикалов и Партии зеленых. — Н.Л.

избираясь в очередной раз, политик восстанавливает свои силы и увеличивает собственные ресурсы», — замечает респондент. Совмещение выборных должностей — это способ выживания во власти, позволяющий народному избраннику не прерывать политическую карьеру, даже если он проиграл какие-то выборы.

В интервью отмечались как негативные, так и позитивные аспекты существующей практики. Для некоторых респондентов совмещение мандатов — это серьезный тормоз на пути обновления элит. Концентрация нескольких мандатов в одних руках *«препятствует продвижению во власть женщин и молодых политиков»*, — считает депутат. Существует и противоположное суждение. Пост мэра, особенно если речь идет о крупном или среднем городе, обеспечивает независимость депутату, позволяет ему самостоятельно принимать решения, высказывать собственное мнение, не оглядываясь на партийное руководство.

В 2014 г. во Франции принят закон, запрещающий совмещение выборных должностей: с 2017 г. — сенатора и депутата Национального собрания, а с 2019 г. депутата Европейского парламента с выборной должностью, носящей функции исполнительной власти: мэра, президента регионального или генерального совета. Насколько новое законодательство повлияет на длительность пребывания политиков в элитном статусе и откроет путь обновлению элит, покажет время. Участники исследования в оценке нового закона разделились на две равные группы. Для одних новый закон является продвижением вперед, для других — нововведением, которое усилит зависимость народных избранников от партийного аппарата. В одном их мнения, тем не менее, совпадают: реализация нового закона на практике приведет, во-первых, к перераспределению элитных постов и, во-вторых, к тому, что многие местные избранники откажутся от национального мандата, поскольку пост главы исполнительной власти в городе, департаменте или регионе обеспечивает политику большую власть и ресурсы.

Связь политики и государственной службы. Основатель V Республики Ш. де Голль большое внимание в проекте строительства новой Франции уделял созданию сильного государства, особая роль в котором принадлежит государственным служащим, управленцам, способным исполнять политические решения (Birnbauм 1994: 21). В первые два десятилетия существования V Республики представительство высших государственных служащих в политике возросло: многие из них стали депутатами, министрами.

С приходом к власти Ф. Миттерана ситуация изменилась. Глава государства, сам не принадлежавший к корпусу государственных служащих, способствовал продвижению на высшие посты однопартийцев. Начиная с 1981 г. роль партий как механизма рекрутирования элитных кадров возросла. В свою очередь доля высших государственных служащих в системе власти сократилась, на их места стали приходиться профессиональные политики (Birnbauм 1994: 206-207). В нижней палате парламента на место высших категорий государственных служащих пришли преподаватели средней и высшей школы. «Политический класс, — пишет Л. Рубан, — приобрел автономию по отношению к высшему эшелону государственной службы» (Rouban 2008: 7).

Однако обозначенная тенденция вовсе не означает, что высшие чиновники покинули политику: 40% советников Н. Саркози сделали карьеру в администрации, при Ф. Олланде доля советников, выходцев из администрации, достигла 48%. Еще выше представительство административных кадров среди советников премьер-министра (54% при Ж.-М. Эйро) и среди руководителей секретариатов министерств (64% в годы правления Н. Саркози и 70% в годы правления Ф. Олланда) (Rouban 2015a: 2). Важно подчеркнуть: в современной Франции элитные карьеры диверсифицируются. Высокопоставленный чиновник рано покидает государственную службу, чтобы сделать карьеру в бизнесе («*rantoufflage*»), или переходит в политику — напрямую из администрации либо пройдя испытание бизнесом. Именно так дело обстояло с министром экономики Э. Макроном, который сделал блестящую карьеру в банковской сфере, но при этом активно участвовал в избирательной кампании Ф. Олланда.

В ходе интервью респонденты неоднократно обращались к вопросу об особом статусе государственных служащих. У представителей административно-управленческой элиты особая карьерная траектория: повышение по службе связано с прохождением конкурса, карьеры стабильны, госслужащим не угрожает безработица. Особый статус государственных служащих распространяется и на занятие политикой. Избираясь депутатом, государственный служащий не обязан подавать в отставку, за ним сохраняется не только его должность, но и все связанные с ней привилегии — выслуга лет, карьерное продвижение. Государственный служащий, решивший стать политиком, находится в неравном положении по сравнению с лицами, занятыми в частном секторе, которые обязаны брать отпуск для проведения избирательной кампании

и увольняться в случае избрания. Особый статус административно-управленческой элиты воспринимается респондентами как несправедливый. *«Государственные служащие — это неприкосновенные коровы режима, — замечает респондент, — Не следует ли поставить вопрос о несовместимости административно-управленческой деятельности с депутатским мандатом?»* Этот вопрос безуспешно обсуждается во Франции на протяжении последних десятилетий.

Верность республиканскому пакту. Франция — демократическое государство. Представители французской политической элиты принадлежат к разным партиям и идейным течениям. Но есть нечто, что их всех объединяет: французский политический класс верен республиканскому пакту, в основе которого лежат ценности свободы, равенства, братства, сформулированные во второй статье французской Конституции. В чрезвычайных обстоятельствах, когда возникает угроза для Республики, французские политики объединяются. Так было в январе 2015 г. после расстрела редакции сатирического журнала «Charlie Hebdo». Представители различных политических партий тогда приняли участие в Марше республики, чтобы продемонстрировать готовность защитить Республику и свободу слова.

Девиз Французской Республики: Свобода. Равенство. Братство. Его можно прочесть на фронтонах зданий, где располагаются институты власти. Важной составляющей республиканского пакта является мессианская идея, в соответствии с которой Франция признается носительницей идей свободы и демократии. *«Французы считают, что борец за права человека в Латинской Америке перед лицом смерти насвистывает «Марсельезу». Они уверены, что идеи свободы, равенства, братства и особенно права получили распространение в мире исключительно благодаря Франции. Речь идет о «светском мессианстве» эпохи Просвещения, которое остается имиджем Франции»,* — не без сарказма замечает бывший депутат и министр. Мессианская идея проходит через всю историю Франции. Ж. Клемансо говорил: «В прошлом сражавшаяся за Бога, в настоящем — за свободу, Франция всегда будет сражаться за идеалы» (Цит. по: Qu'est-ce que la France 2007: 181). Французские политики в большинстве своем убеждены, что важнейшая задача их страны — это быть маяком для всего человечества. Тем самым за Францией признается роль «мэтра», который призван объяснять другим странам и народам, в каком направлении им следует развиваться. Тем не менее некоторые политики, участвовавшие в исследовании,

в частности сторонники национального суверенитета, не согласны с такой постановкой вопроса. В качестве аргумента они приводят тяжелейшие последствия военной операции в Ливии и другие сомнительные политические решения.

Франция была первой страной в мире, которая создала гражданскую нацию. *«У европейских диаспор проблем нет, они хорошо интегрированы в политическую жизнь. Испанцы, итальянцы, поляки представлены во французской политике»*, — замечает бывший министр. В 2007 г. президентом Франции был избран Н. Саркози, сын венгерского иммигранта, лишь на одну четверть являющийся этническим французом. Президент никогда не скрывал своего происхождения, называя себя «маленьким французом смешанных кровей» (Sarkozy 2007), тем самым подчеркивая близость с рядовыми французами, отцы и деды которых были иммигрантами. В марте 2014 г. премьер-министром Франции стал натурализованный испанец Э. Вальс, мэром Парижа избрана испанка А. Идальго. Невзирая на различное национальное и этническое происхождение, этих людей объединяют республиканские ценности. Когда бывшему министру юстиции напоминают о том, что она родилась в семье марокканца и алжирской женщины, Р. Дати отвечает, что она — «дитя Франции», страны, которая ее сформировала (Dati, Ascolovitch 2007: 61).

Базовые политические и общественные установки. Элита является не только транслятором представлений об окружающем мире, но и носителем политических ценностей. В обществе одновременно сосуществуют различные типы политической культуры, среди них особое место занимает доминирующая культура, отвечающая устремлениям значительной части элит и населения (Bernstein 1999: 24). Одни исследователи обращают внимание на то, что на фоне традиционной культуры во французском обществе возникла новая политическая культура — «эгалитарный гуманизм»¹, другие расценивают новые политические веяния как результат утверждения в современном мире либеральных ценностей. «Сегодня нормой для образованных групп населения и, в частности, интеллектуальных и властных элит становится

¹ В основе этой культуры лежат принципы толерантности, гуманизма, уважения к правам меньшинств. Она получила распространение среди образованной части французского общества, интеллектуалов, ее продвигают средства массовой информации (Les cultures politiques en France 1999: 386).

ся эгалитарный гуманизм» (Les cultures politiques en France 1999: 386), — пишут сторонники первой точки зрения. Новая политическая культура, на их взгляд, призвана препятствовать ксенофобии и электро-ральному успеху Национального фронта.

«Эгалитарный гуманизм» является вариантом неолиберализма с характерным для него господством индивидуализма, считают другие. «В политической области доминируют либеральные принципы, нашедшие свое выражение в лозунгах «гражданской демократии» или «демократии участия» <...> Внутри системы речь идет о том, чтобы больше места высвободить для индивидуума по сравнению с коллективом и для гражданского общества по сравнению с политическим сообществом», — пишет политолог С. Миласич (Миласич 2014: 28). Общество, ориентированное на поддержку гражданских меньшинств, вырабатывает новый кодекс поведения, важными элементами которого являются «политическая корректность» (*politiquement correct*) и принятие многообразия мира во всех его проявлениях (в том числе поддержка гей-сообщества, закона об однополых браках и т.д.). Политическая корректность меняет повседневную жизнь французов, усиливает самоцензуру. В 2001 г. известный французский писатель М. Уэльбек, публично высказавший свое негативное отношение к исламу, был вызван в суд. Если бы это произошло сегодня, считает писатель, он был бы осужден.

В ходе интервью респонденты отмечали, что претендующая на широту взглядов новая политическая культура в реальности порождает одномерное видение окружающего мира. «*Новое поколение политиков обучалось в одних учебных заведениях, сформатировано на один манер, можно сказать, отлито из одной формы*, — замечает респондент, — *Они не мыслят самостоятельно, видят окружающий мир в черно-белых тонах, а политическая корректность стала их новой религией*». «Единомыслие» — это слово не раз звучало в интервью, особенно когда речь заходила о молодом поколении политиков, сделавших аппаратную карьеру. Многие из них имеют диплом престижного Парижского института политических наук, в стенах которого принципы новой политической культуры были сформированы.

Какие последствия может иметь наличие в руководстве страны людей, «принадлежащих к одной группе крови», — задает вопрос американский исследователь Э. Сулейман. Его ответ краток: продвижение во власть политиков, мыслящих схожим образом, приведет к утверждению «группового мышления», что закрывает доступ новым идеям (Suleiman

2013). Отчасти высказанные респондентами и исследователями оценки грешат односторонностью. Среди французских политиков есть люди, не скрывающие своих взглядов и открыто их выражающие. Это отчетливо проявилось в отношении к России в условиях украинского кризиса (подробнее: Лапина 2015).

Уважение к культуре. Основатель V Республики Ш. де Голль, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель, особое внимание уделял уму, знаниям, способности размышлять и анализировать, но важнейшим считал наличие общей культуры (Голль 2006: 29). По традиции во французских политических кругах принято демонстрировать уважительное отношение к культуре. Практически каждое президентство в годы V Республики отмечено значимым культурно-историческим символом: по инициативе Ж. Помпиду в Париже построен Центр Помпиду; в президентство Ф. Миттерана выстроено здание Оперы на площади Бастилии и возведена библиотека, носящая его имя. По инициативе президента Ж. Ширака в Париже на набережной Бранли открыт Музей культур Африки, Азии, Океании. Мэры городов следуют этому примеру. В городах Франции создаются новые культурные площадки, открываются выставочные залы, музеи, театры. Бордо, Тулуза, Лион, Страсбург, этот список можно продолжить.

Вместе с тем в современной Франции происходят существенные изменения в образовательной политике, напрямую затрагивающие сферу культуры. В 1990-е годы предпочтение было отдано либеральным рецептам реформирования системы образования. Характерная для производства управленческая логика была перенесена на среднюю и высшую школу, критерии «эффективности» знания стали рассматриваться как основные индикаторы успеха (Vasconcellos, Daniel 2011: 59). Литература, история, международные отношения признавались «неэффективными» знаниями. В 2007 г. в ходе президентской кампании впервые в истории V Республики вопросы культуры не обсуждались, а основные кандидаты — Н. Саркози и С. Руаяль (ФСП) — не позиционировали себя в качестве носителей национальной культуры. В политическом дискурсе президента Н. Саркози доминировали такие темы, как власть, авторитет, усилие, труд, обогащение, семья, дисциплина, родина, нация (Mayaffre 2012: 15). Скромное место вопросам культуры уделялось в ходе президентской кампании 2012 г.

Мысль, что наличие культуры не способствует социальному успеху, по мнению респондентов, представляет серьезную опасность. Мате-

риалы интервью свидетельствуют, что многие участники исследования озабочены культурным уровнем современных французских политиков. Не без тревоги респонденты говорили о том, что сегодня во Франции сформировалось поколение политиков, которые не испытывают уважения и не интересуются культурой. «*Что читают наши политики, кроме газет или нашумевшего романа?*» — задает вопрос эксперт и отвечает на него: «*Ничего*». Отсутствие у французской элиты духа инновации, воображения и смелости является серьезной проблемой современной общественно-политической жизни, считает бывший министр экологии, а ныне депутат Европейского парламента К. Лепаж (*La trahison des élites françaises*)

Экзаменационные комиссии, принимающие вступительные экзамены в «большие школы», в том числе ЭНА, оценивают кандидатов в зависимости от знания истории, которая является профилирующим предметом, и их способности принимать самостоятельные решения и действовать в конкретной ситуации. В формальных отчетах приемных комиссий отмечаются знания и индивидуальные качества кандидатов (Oger 2008: 238). Неформальные отзывы о приемных экзаменах в одну из самых престижных «больших школ» Франции ЭНА оставляют тяжелый осадок. «*Я был членом комиссии в ЭНА, — вспоминает участник исследования, руководитель аналитического центра, — и меня поразило отсутствие у многих поступавших знаний по истории. Они не знали о Гражданской войне в Испании, интернациональных бригадах, не могли ответить на вопрос об Алжирской войне. Иногда я получал фантастические ответы, например, что Ришелье был министром Франциска I. Собственная точка зрения у них отсутствовала*». Отметим, что в интервью речь шла о кандидатах, а не о прошедших конкурс соискателях.

В работах элитологов нередко можно встретить суждение о снижении интеллектуальных и моральных качеств современной западной элиты. Это мнение высказывали и некоторые наши респонденты. Аргументом для них служат: некомпетентные решения руководства, некачественные законы, принимаемые парламентом. Существует и институциональное объяснение происходящего. Главным событием политической жизни во Франции являются президентские выборы, «*с переходом к пятилетнему президентскому сроку Франция находится в постоянной предвыборной кампании, что не способствует рационализации принятия решений*», — отмечает сенатор.

Распространять критические оценки на весь французский политический класс несправедливо. Среди французских политиков много талантливых, знающих, прекрасно образованных людей, которые, как и их предшественники, испытывают пиетет к культуре. Во Франции лиц, занимающих высокие посты, пишет Э. Сулейман, нельзя обвинить в некомпетентности, но система устроена таким образом, что «некомпетентность не подвержена негативным санкциям» (Suleiman 2008: 149). К тому же в школе французы получают фрагментированные знания в таких областях знания, как история и международные отношения, что порождает феномен «короткой исторической памяти». Многие, особенно молодые политики, *«не знают и не помнят, что делали их предшественники, какие основные события происходили в ушедшем столетии»*. А это значит, что у них узкий горизонт видения, неспособность мыслить в долгосрочной перспективе, оценивать события, исходя из знания прошлого, а не сегодняшнего дня.

Не менее серьезной проблемой, отмечалось в ряде интервью, является замкнутость французской культуры или, как принято говорить во Франции, ее «экзагональность»¹. Дискуссии, ведущиеся во французских политических кругах, как правило, замыкаются на собственно французских сюжетах. Отсутствие интереса к окружающему миру, слабая интегрированность в международное сообщество отличают, на взгляд респондента, французскую политическую и интеллектуальную элиту. *«Зачем покидать свою родную страну? Зачем приспособливаться к другой культуре и образу жизни? Наконец, зачем говорить на английском языке, если можно говорить по-французски?»* Замкнутость элиты отражает состояние французского общества: в 2013 г. 61% французов считали, что глобализация представляет для Франции угрозу, 58% полагали, что страна должна защитить себя от окружающего мира (Fractures françaises 2013).

Анализ формальных признаков убеждает в том, что политическая элита имеет свои особенности. Рассмотрим, какую роль в формировании и функционировании элит играют неформальные признаки и общение в закрытых социальных сетях.

¹ От французского слова «hexagone» — шестиугольник. С этой геометрической фигурой ассоциируется территория Франции. — Н.Л.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ АТРИБУТЫ ЭЛИТАРНОСТИ

Быть членом политической элиты означает не только занимать позиции в политических институтах, обладать ресурсами и властью, но и вести определенный образ жизни, поддерживать контакты с другими представителями «элитного клуба». Франция — страна строгих норм и неписаных правил. Принадлежность к политической элите, с точки зрения участников исследования, определяется такими неформальными признаками, как знание элитных кодов, владение языком, способность создавать закрытые социальные сети и накапливать социальный капитал.

Политическую элиту и элиту, представленную аристократическими и старыми буржуазными семьями, смешивать не следует, хотя представители различных элитных групп встречаются и общаются между собой. Политической элитой не рождаются, ею становятся. Политики, в отличие от аристократии и представителей буржуазии, приобретают элитные коды в течение жизни. Социальные структуры прозрачны, границы между классами не различимы глазом. Нужно самому принадлежать к элите, чтобы безошибочно узнать другого представителя «элитного клуба». *«Способность взаимного узнавания отличает элиты от других социальных групп»*, — замечает представитель французской аристократии. По каким признакам элиты узнают друг друга? Участники опроса к элитным кодам относят: знание правил поведения, дресс-кода, умение вести себя.

Во Франции ритуальная сторона политической жизни тщательно продумана и, как пишет президент Франции В. Жискард д'Эстен, является «характерным штрихом определенного стиля французской жизни» (Жискард д'Эстен 1990: 24). Официальные церемонии, приемы, обеды, награждения, независимо от того, какая партия находится у власти, проходят с блеском. Особую торжественность событию придает роскошь помещений, где располагаются политические институты Франции. Елисейский дворец, Люксембургский дворец (Сенат), Бурбонский дворец (Национальное собрание) — это дворцовые комплексы, обставленные с изысканностью и вкусом. Париж диктует правила провинциальной элите: во французских городах великолепием поражают здания мэрий. *«Франция — это республиканская монархия. Официальные церемонии напоминают приемы в Версальском дворце времен королей»*, — не без иронии отмечает участник исследования.

Попавшему в высшие сферы политическому новобранцу предстоит овладеть правилами этикета, принять установленные нормы поведения

и дресс-кода. *«В высших сферах власти, — отмечает сотрудник аппарата нижней палаты парламента, — люди в основном уважают существующие нормы. В Национальном собрании сложился определенный стиль одежды: мужчины носят серые или черные костюмы, женщины — костюмы. Никто не может запретить женщине-политику красиво одеваться, но они сами себе этого не позволяют, т.к. опасаются стать объектом нездорового интереса со стороны масс-медиа».* Внешняя скромность политиков соответствует традициям французского общества, где не принято демонстрировать богатство.

Тем не менее, в высших политических кругах появляются новые тенденции. Либерализм с присущим ему культом денег меняет характер французов и их элит. С приходом к власти Н. Саркози в моду вошла чуждая Франции демонстрация роскоши, дорогих гаджетов, украшений. Многие политики, мужчины и женщины, стали появляться на публике в очень дорогих и броских туалетах, что не раз становилось причиной скандалов. Нарушение привычных правил вызывает отторжение у широкой общественности и элиты. Некоторыми респондентами даже высказывалась мысль, что Н. Саркози в 2012 г. не был переизбран, поскольку *«раздражал представителей французской элиты своим поведением».* Не будем обсуждать, насколько это суждение обосновано, тем более что были и прямо противоположенные оценки¹. Заметим лишь, что большинство респондентов не скрывали своего неприятия правил поведения, которые сложились в «стране Саркозии».

Участие в избирательных кампаниях требует от политика умения привлекать к себе внимание слушателей, убеждать, вести диалог с политическим оппонентом. Вовремя использованная цитата из классики или запоминающаяся фраза, яркое слово или шутка высоко ценятся в обществе и политической среде. Профессиональный политик должен уметь общаться с людьми. Артистизм, искренность, сопереживание делают произнесенные им слова убедительными, вызывают у слушающих симпатию. Ф. Миттеран любил повторять слова Э. Эррио: *«Политика — это умение говорить с людьми».* *«Когда Миттеран выступал, — вспоминает респондент, — его слушали все, независимо от политических симпатий. Французам было ясно: перед ними человек, обладающий огромными знаниями и большой культурой. С последними*

¹ *«Саркози не любил народ. А элиты в основном поддерживали его. Внутри-элитного конфликта в 2012 г. не было», — говорит респондент.*

президентами этого не происходит». Особым красноречием и подчеркнутым демократизмом отличался Ж. Ширак: «Он часами мог общаться с народом, создавая впечатление у слушателей, что он их друг. В этом была невероятная сила Ширака».

Важной особенностью представителей элиты является способность создавать закрытые социальные сети. Во Франции сложились различные элитные объединения. Респонденты выделяют три их типа: объединения лиц, связанных общим прошлым; объединение лиц, вместе учававших в привилегированных учебных заведениях; элитные клубы и объединения широкого профиля.

В 1940 г. в Лондоне Ш. де Голлем был учрежден Орден Освобождения. Орден, отмечают исследователи, строился по принципу рыцарских орденов (De Gaulle 2008: 64). Кавалерами Ордена, получавшими звание «соратника Освобождения», становились люди, первыми откликнувшиеся на призыв де Голля посвятить свою жизнь освобождению Франции. Связующим звеном для «соратников Освобождения» служило их общее прошлое — борьба за независимость Франции и неизменная преданность лидеру. Сподвижники де Голля сформировали политическую элиту V Республики¹.

Во Франции, в отличие от англо-саксонских стран, до недавних пор не было принято создавать объединения выпускников университетов. Исключение составляют «большие школы». Их выпускники общаются между собой в течение жизни, помогают друг другу. Знаком особой близости является правило: впервые встретившись, выпускники престижной Политехнической школы называют друг друга на «ты». В годы V Республики во французской политике и власти, как уже отмечалось выше, было немало выпускников «больших школ», в частности, ЭНА. С приходом к власти Ф. Миттерана открылось большое число новых вакансий. На посты нередко назначались молодые единомышленники президента, некоторые из них имели дипломы престижных учебных заведений. Президент Н. Саркози отличался от своих предшественников тем, что не закончил «большой школы», но, как отмечалось выше, в его ближайшем окружении было немало выпускников привилегированных учебных заведений.

С избранием Ф. Олланда выпускники ЭНА одного выпуска с президентом — «выпуск Вольтера» (1980) — заняли ключевые посты во

¹ В начале 1946 г. прием в Орден был закрыт. — *Н.Л.*

французской системе власти. В этом списке глава государства Ф. Олланд; С. Юбак — руководитель секретариата президента; П.-Р. Лема — префект, руководитель администрации президента; Ж.-М. Рипер — нынешний посол Франции в РФ; С. Руаяль — министр экологии, устойчивого развития и энергетики; М. Сапэн — министр финансов, М. Кадо — префект парижской полиции. До сих пор ни один выпуск Школы не был столь основательно представлен на вершинах власти. *«Сегодня Францией руководит выпуск Вольтера»*. Это мнение можно было услышать во многих интервью. Участники опроса объясняют это тем, что у Ф. Олланда к моменту избрания президентом Республики отсутствовал опыт государственного управления. Придя к власти, он стремился не только отблагодарить преданных ему людей, но и «застраховать» себя, расставив на ответственные посты доверенных лиц. *«В правительстве М. Вальса есть министры, которые занимаются важными вопросами. Но политическим влиянием обладают лишь те из них, кто близок президенту»*, — замечает респондент.

Представители элиты имеют возможность встречаться в элитных клубах, где случайных людей не бывает. В отличие от объединений, члены которых имеют общее прошлое или обучались в «больших школах», элитные клубы более открыты для новых элитных кадров. Респондентами чаще всего упоминались парижские клубы: «Siècle» (создан в 1944 г.), «Cercle de l'Union Interalliée» (создан в 1917 г.), «Club des cents» (Клуб ста). Престижные клубы — это место встреч политиков, бизнесменов, высокопоставленных чиновников вне зависимости от их политических взглядов. *«В "Siècle" происходит неформальное общение избранных людей»*, — замечает постоянный член клуба. Членство в закрытом клубе является знаком принадлежности человека к высшему обществу, повышает его самооценку. Это признание того факта, что *«вы — свой человек»* и имеете право на равных общаться с видными политиками, учеными, деятелями культуры, подчеркивает участник исследования. Наряду с наиболее престижными клубами, во Франции есть клубы второго плана: Ротари клуб (Rotary club) и Динер клуб (Diners club). *«В Париже уважающий себя политик в них не пойдет, а в провинции это популярное место общения элит»*¹.

В клубах, на вечерах и светских приемах поддерживаются существующие контакты, завязываются новые знакомства. Однако ответ-

¹ Беседа автора с Ю.И. Рубинским, 23 июля 2015 (архив автора).

ственные решения на светских вечерах не принимаются. Для этого существует неформальные встречи, ужины, на которых присутствуют депутаты, министры. Встречи в узком кругу организуются поздно вечером и чаще всего имеют «мужской профиль». Женщины-политики, особенно имеющие детей, из «параллельной» политической жизни исключены. Государственный секретарь по вопросам информационных технологий А. Лемер отмечает: «Решения принимаются в неформальном общении. Как если бы подлинная власть осуществлялась в полном уединении» (Le plafond des maires 2014).

В качестве места встреч представителей элиты некоторые участники исследования называли масонские ложи. Однако респонденты не склонны рассматривать их как влиятельный политический институт современной Франции. *«Ложи не являются “тайным правительством”. Это место встреч и взаимной поддержки»*. В интервью отмечалось, что масонские ложи сохраняются как сеть межличностного общения, их члены оказывают друг другу взаимные услуги. Членство в масонской ложе может помочь продвинуться по карьерной лестнице, особенно в интеллектуальной среде и сфере высшего образования.

Чтобы представить себе все пространство неформального общения французской элиты, считает Ю.И. Рубинский, необходимо включить в анализ посещение церкви верующими политиками. *«Мне нередко приходилось бывать на торжественных церемониях в Нотр-Дам и протестантской церкви Парижа. На службах встречал очень известных политических деятелей. Хотя во Франции церковь отделена от государства, архиепископ Парижа является влиятельной фигурой, духовником многих известных политиков. Принято считать, что наиболее сплоченной является еврейская религиозная община. Это действительно так. Но протестанты во Франции сплочены ничуть не меньше»*. Сказанное свидетельствует о том, что существует еще одно пространство общения представителей элиты, которое требует особого изучения. *«Традиционные структуры — церковь и масонство, которые воевали между собой еще до революции 1789 г.— сегодня встроены в механизм неформального взаимодействия политических элит»¹*, — подчеркивает ученый.

Некоторые участники опроса полагают, что элитные социальные сети — это чисто парижское явление. Однако материалы интервью

¹ Там же.

свидетельствуют, что в крупных городах Франции действуют клубы, объединяющие «сливки общества», где, как и в парижских клубах, представители различных элитных групп общаются между собой, организуются встречи с интересными и известными собеседниками — политиками, интеллектуалами, творческой интеллигенцией.

Способность накапливать социальный капитал выделяется респондентами в качестве одной из особенностей политической элиты. Социолог Л. Рубан, изучавший социальный профиль депутатов Национального собрания, обратил внимание на то, что депутаты обладают высоким «индексом социальных ресурсов». Это понятие включает в себя связи народных избранников с миром бизнеса, политической элитой, а также обладание различных форм социального капитала (образование и профессия отца; собственное образование; образование и профессия супруга/супруги). Ученый констатировал, что начиная с 1980-х годов наблюдается феномен «уплотнения» семейных и социальных связей депутатов. Общей тенденцией последних трех десятилетий стало возрастание доли депутатов, имеющих «социальные атрибуты» и снижение доли тех из них, кто таковыми не располагает. Эта тенденция в равной степени характерна для политиков, представляющих как левые, так и правые партии (Rouban 2011: 34-36). К аналогичным выводам социолог пришел, изучая социальный профиль мэров французских городов с населением более 30 тыс. жителей, избранных в марте 2014 г. (Rouban 2014).

Неформальные отношения в политике не стали во Франции предметом строгого научного анализа. Немногие исследователи берутся обсуждать феномен «приватизации государства» или «партийного клиентелизма», когда политические соратники и просто друзья назначаются на видные должности в системе государственного управления (Rouban 2012: 52-56). Заниматься этой темой сложно, многие персональные данные отсутствуют и вряд ли в ближайшее время станут более открытыми¹. Участники исследования крайне сдержанно высказывались относительно неформальных отношений в политике. В этой связи упоминалась бывший министр обороны, министр внутренних дел и глава МИД Франции М. Алио-Мари², в секретариате которой работала пле-

¹ Французские депутаты отказались поддержать закон, обязывающий народных избранников публиковать декларации о наличии собственности. — *Н.Л.*

² М. Алио-Мари — французский государственный и политический деятель. В начале 2000-х годов неоднократно занимала министерские посты:

мянница. Другой случай, ставший достоянием общественности, — бывший министр по вопросам социального развития Р. Башло, устроившая на работу в свой секретариат сына.

Правление Н. Саркози отмечено рядом «семейных» историй. Самая известная связана с попыткой главы государства назначить своего 23-летнего сына главой государственного учреждения, ведающего обустройством делового центра Париж-Дефанс (La Défense). Начавшаяся в 2009 г., эта история очень быстро приобрела всеобщую огласку. Под влиянием общественности глава государства был вынужден отказаться от своего намерения¹.

В интервью речь также шла о семейных политических альянсах в современной Франции. Наиболее известным является ныне распавшийся гражданский брак президента Ф. Олланда и С. Руаяль, как и он учившейся в ЭНА. В годы, когда Ф. Олланд был Первым секретарем ФСП, при его поддержке С. Руаяль была выдвинута кандидатом на президентских выборах (2007).

Мир политика тесно связан с миром масс-медиа. Эта тенденция находит свое выражение в матримониальных союзах между политиками и журналистами. Многие французские политики женаты на профессиональных журналистках. Самым известным политико-журналистским альянсом Франции, ныне распавшимся, стал брак бывшего руководителя Международного валютного фонда Д. Строс-Канна и известной телеведущей (TF-1) А. Синклер. В этом списке мэр Бордо А. Жюппе, женатый на журналистке И. Легран-Бодэн, Ж.-Л. Борлоо, женатый на В. Шенберг, в прошлом журналистке канала «Франс-2». «Складывается впечатление, что эти две профессии созданы друг для друга», — не без иронии замечает респондент.

Феномен политической семейственности вызывает у респондентов противоречивые чувства. Одни считают, что назначение родственников — отнюдь не порочная практика, которую следует осуждать. Особенно в том случае, когда министр хорошо ладит с родственником, работающим в его секретариате. Другим участникам исследования

в 2002-2007 гг. была первой женщиной-министром обороны; в 2007-2009 гг. — министр внутренних дел, в 2009-2010 — министр юстиции и хранитель печати, в 2010-2011 гг. — министр иностранных дел. — *Н.Л.*

¹ Опросы общественного мнения свидетельствовали, что большинство французов (64%) выступали против этого назначения (Le Point 2009).

сложившаяся практика претит, они видят в ней проявление nepoтизма, противоречащего республиканской традиции. *«Политические деятели, — отмечает политик со стажем, — должны раскрывать имеющиеся у них связи в высших политических или бизнес-кругах, членство в закрытых клубах»*. Третьи не склонны преувеличивать значимость неформальных отношений, полагая, что семейственность представляет собой маргинальное явление в жизни современной Франции. В отличие от респондентов, рядовые французы гораздо более нетерпимы к этому явлению. В социальных сетях вопросы семейственности в политике широко обсуждаются, и люди нелюбезно высказываются по поводу «приватизации» власти отдельными политиками и целыми семьями.

Усвоение правил поведения и дресс-кода, общение в закрытых социальных сетях, накапливание личного и семейного социального капитала в не меньшей степени формируют элиту, чем постоянное пребывание и работа в институтах власти. Если по формальным признакам политическая элита существенно отличается от других элитных групп, то в сфере неформальной происходит пусть и постепенное микширование базовых различий. Если учесть длительность политических карьер во Франции, то очевидно, что политик, выходец из скромной семьи, в течение жизни получает возможность усвоить нормы поведения, принятые в «элитном клубе», обрастает новыми социальными связями и в конечном счете становится членом избранного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая элита Франции диверсифицирована и по многим характеристикам отличается от других элитных групп. Французские политики, вопреки существующему мнению, не являются выходцами из «буржуазных кругов» (Хартман 2012: 15). В политику люди приходят из различных социальных ореалов, неодинаковы их пути восхождения на политический Олимп. Под влиянием институциональных факторов социальный состав французской элиты меняется. Поправки к Конституции (1999) и законы о равном доступе женщин и мужчин к выборным постам привели к росту численности женщин-политиков. Доля женщин в Сенате в 2015 г. составила 26,3%, в Национальном собрании — 26,8%. В наибольшей степени феминизация затронула уровень местной и региональной элиты. В региональных и муниципальных собраниях доля женщин равна, соответственно, 47,6% и 35% (2008) (En politique 2008). Изменения в ближайшие годы произойдут и в связи с запретом на сов-

мещение выборных мандатов с исполнительной властью. Закон призван разрушить механизм непрерывного пребывания элит у власти. Однако политическая реальность более сложная: «*Элита не поменяется, но произойдет перераспределение постов и должностей*», — отмечает в этой связи респондент. Есть все основания полагать, что французские политики успешно адаптируются к изменяющейся институциональной среде и найдут способы сохранения элитного статуса.

Сдвиги в составе французской политической элиты будут неизбежно происходить и в связи с политическими изменениями и, в частности, ростом влияния крайне правого Национального фронта. Партия одержала убедительную победу в ходе муниципальных и европейских выборов. Осенью 2015 г. опросы общественного мнения предсказывали, что она может одержать серьезные успехи на запланированных на декабрь этого года региональных и президентских выборах 2017 г.

Карьера политика, как мы смогли в этом убедиться, не требует легитимации посредством диплома «большой школы». В составе Национального собрания 25% депутатов имели юридическое образование и диплом доктора юридических наук, 15,8% — диплом престижного Парижского института политических наук, 4,8% — диплом ЭНА (Rouban 2011: 28, 31). Учитывая растущую профессионализацию политической деятельности, можно предположить, что в перспективе в составе политической элиты вырастет доля выпускников юридических факультетов и специалистов в области коммуникации. В свою очередь диверсификация дипломов скорее всего скажется на увеличении доли политиков, имеющих диплом коммерческой школы¹.

Несмотря на социальные, образовательные и иные различия, французских политиков многое объединяет. Речь идет о таких консолидирующих моментах, как верность республиканскому пакту, соблюдение принципов светского гуманизма, готовность защищать ценности Республики и права человека. К базовым ценностям следует добавить и те рамочные установки, которые утвердились в сознании французской политической элиты в последнее десятилетие. Речь идет о правах меньшинств, политической корректности. Ценности «эгалитарного гуманизма», новый взгляд на проблемы морали первоначально получили распространение среди сторонников левых партий. Именно ФСП с середины 1980-х годов выступала против дискриминации гей-сообщества,

¹ В 2007 г. ими обладали 5% народных избранников. (Ibid. P. 30).

за легализацию однополых браков. На сегодняшний день политические элиты в большинстве своем разделяют эти идеи, независимо от партийной принадлежности. Чтобы войти в состав элиты, говорит член престижного клуба, надо разделять экологические установки, быть политически умеренным и корректным в вопросах культуры (Montalembert, Van der Plaetsen 2010).

Работа в институтах власти требует от элиты придерживаться определенных правил поведения. В не меньшей степени политическую элиту объединяют неформальные сети, где ее представители общаются в свободное время. В условиях кризиса роль неформальных объединений возрастает. В близком социальном окружении люди чувствуют себя защищенными, встречают поддержку и понимание, отмечают авторы, проводившие исследование в привилегированных клубах Парижа (Montalembert, Van der Plaetsen 2010).

Традиционно французская элита создавалась государством. В современной Франции государство и политические партии превратились в конкурирующие механизмы формирования элит. Победившая на парламентских выборах партия не только получает право сформировать правительство, но и обновляет высший слой государственных чиновников. В результате меняются отношения между административной и политической элитами, происходит политизация государственной службы. Административную и политическую элиту многое сближает. Во Франции политики ориентированы на длительное пребывание в элитном статусе. Складывается впечатление, что выстраивая собственную карьеру, они избрали в качестве модели государственную службу с характерным для нее гарантированным статусом. В свою очередь французские государственные служащие становятся политиками, сохраняя при этом все привилегии своего статуса. Вряд ли можно ожидать, что в ближайшем будущем статус государственных служащих изменится, и они станут такими же гражданами, как все остальные, поскольку они составляют костяк Национального собрания.

В последние десятилетия во Франции политика превратилась в профессию. Укорененность в аппарате партии для политика становится важнее локальной укорененности. Внутри партий образуется «*каста несменяемых*», основная цель которых — обеспечить собственное переизбрание. Французское общество болезненно реагирует на профессионализацию политики: большинство французов (58%) полагают, что это негативное явление (Gallaud, Lemel 2006: 310). Парадокс состоит

в том, что в среде политиков ценность работы на местах утрачивается, в то время как именно к политикам низового уровня (муниципальные советники, мэры) рядовые граждане испытывают наибольшее доверие. Наряду с аппаратными политиками выросло влияние ближайшего окружения политиков — их советников, пресс-атташе, членов секретариата. Причем, эта тенденция отчетливо просматривается на всех уровнях власти от мэрии до президентского дворца.

Несмотря на наметившиеся сдвиги, вряд ли уместно говорить, что французской национальной модели элиты больше не существует. Применительно к французской политической элите она имеет свою специфику. По своему характеру эта модель вертикальная: важнейшие решения, включая карьерные, принимаются «наверху» партийным руководством, либо, если партия находится у власти, в Елисейском дворце. А. Моруа писал: «Все великие люди провинции получают признание только в Париже» (Моруа 2001: 9). Это утверждение имеет прямое отношение к нашей теме: формирование политической элиты происходит в Париже. Для централизованного государства это закономерное явление. Париж — историческая столица Франции, город, где принимаются жизненно важные для страны решения, где сконцентрированы политические, интеллектуальные, финансовые ресурсы страны.

Сложившаяся модель рекрутирования элит, характер принятия кадровых решений, профессионализация политической деятельности обеспечили большую стабильность индивидуального карьер, но ослабили французскую политику. Для современной Франции, считают специалисты, характерен глубокий кризис политического представительства (*Perrineau 2007*). Подавляющее большинство французов не испытывают доверия к политическим институтам: 92% не доверяют партиям (*Fractures françaises 2013*), 72% — Национальному собранию, 73% — Сенату (*Fractures françaises 2014*). Невысокого мнения французы о политической элите: они считают, что политики коррумпированы (62%) и действуют в своих интересах (82%) (*Fractures françaises 2013*).

Перед современной Францией стоит целый ряд серьезных проблем: как «республику партийных функционеров» превратить в открытое общество, как восстановить работу социального лифта, оживить партийную жизнь, восстановить доверие граждан к политическим институтам, а сами институты превратить в органы подлинного демократического представительства. Без ответа на поставленные вопросы Франции

будет трудно решить проблемы, связанные с вызовами глобализации, поиском нового места в мировой политике, а главное — придать французам уверенность в будущем и восстановить доверие к собственной стране.

ЛИТЕРАТУРА

Голль де Ш. Острые шпаги. М.: Изд-во «Европа», 2006.

Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. М.: Межд. отношения, 1990. С. 24.

Конституция Французской республики 1958 г. URL: http://www.conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 25.06.2013).

Лапина Н.Ю. Восприятие России в современной Франции: формирование внешнеполитических образов // Актуальные проблемы Европы. М., 2015. № 2. С. 151-176.

Лапина Н. Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 137-160.

Миласич С. Франция-Россия: Сходства и различия // Политические институты России и Франции: Традиции и современность / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. — М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 15-34.

Моруа А. Эссе. М.: Согласие, 2001.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.

Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10-39.

Чурикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: ИС РАН, 2009. (Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2009. № 3.).

Bernstein S. Nature et fonction des cultures politiques, in: *Les cultures politiques en France*, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Seuil, 1999, pp. 11-36.

Birnbaum P. *Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France.* Paris: Seuil, 1994.

Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. Paris: Ed. de Minuit, 1989.

Bourdieu P., Passeron J.-Cl. *La reproduction: Eléments d'une théorie du système d'enseignement.* Paris: Ed. de Minuit, 1970.

Dati R., Ascolovitch Cl. Je vous fais juges. Paris: Bernard Grasset, 2007.

De Gaulle et les élites, sous la dir. de S. Bernstein, P. Birnbaum, J.-P. Rioux. Paris: La Découverte, 2008.

En politique, les femmes ont encore mauvais genre, Observer les inégalités, 2008, 20 novembre. URL: <http://www.inegalites.fr/spip.php?article953> (дата обращения: 18.07.2012).

Enorme: BHL à la télé ukrainienne. 12 août 2014. URL: www.les-crisis.fr/enorme-bhl-a-la-tele-ukrainienne (дата обращения: 18.08.2014).

Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. 2014. URL: http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html (дата обращения: 12.09.2014).

Formery S.-L. La Constitution commentée article par article. 15-ème éd. Paris: Hachette, 2012.

Fractures françaises 2013 — vague 1. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/resultats> (дата обращения: 17.07.2014).

Fractures françaises 2014 — vague 2. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/fractures-francaises-2014-vague-2> (дата обращения: 17.07.2014).

Gallaud P., Lemel Y. La société française. Pesenteurs et mutations: le bilan. Paris: Armand Colin, 2006.

Joly H. Les élites politiques: regard croisé sur le cas français, in: Formation des élites en France et en Allemagne, sous la dir. de H. Joly. Paris: CIRAC, 2005, pp. 149-167.

La trahison des élites françaises: et à part de tempêtes politiques stériles, de quoi nous parle-t-on? URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/trahison-elites-francaises-et-par-tempetes-politiques-steriles-auoi-parle-t-on-corinne-lepage-michal-foesse-michel-maffesoli-1018456.html#SJfB7r6tyDWR75uH.99> (дата обращения: 16.07.2014).

Lacouture J. Paroles de présidents. Paris: Dalloz, 2012.

Le plafond des maires, Express, 2014, 21-17 mai, 3281, p. 86-88.

Le Point. Paris, 2009. 16 oct.

Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Sueil, 1999.

Lionel raconte Jospin. Le sens d'une vie, entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Seuil, 2010.

Mayaffre D. Nicolas Sarkozy: Mesure et démesure du discours (2007-2012). Paris: Sciences Po, 2012.

Montalembert de G., Van der Plaetsen J.-R. Enquête sur les cercles et les lieux de pouvoir, Figaro Magazine, 2010, 29 avril, pp. 80-89.

Oger C. Le façonnage des élites de la République. Culture générale et haute fonction publique. Paris: Presses de Sciences-Po, 2008.

Perrineau P. La crise de la représentation politique, in: La politique en France et en Europe, sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. Paris: Presses des Sciences Po, 2007, pp. 11-34.

Qu'est-ce que la France, sous la dir. de A. Finkielkraut. Paris: Stock/Panama, 2007.

Radiographie des députés français sur le Twitter. [8.09.2013-21.12.2013] URL: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (дата обращения: 11.07.2014).

Rouban L. La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande. Paris: CEVIPOF, avril 2015. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1291/publication_pdf_note.luc.rouban.avril.2015.pdf (дата обращения: 8.05.2015) [2015a].

Rouban L. Le Conseil d'Etat. 1958-2008. Sociologie d'un grand corps, Les Cahiers de CEVIPOF, 2008, 49, pp. 1-118.

Rouban L. Le nouveau pouvoir urbain en 2014: les maires des villes de plus de 30000 habitants. 2014. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban_4.1_pdf (дата обращения: 8.08.2014).

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, Revue française d'administration publique, 2015, 2, pp. 377-390. [2015b].

Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007, Cahiers du CEVIPOF, 2011, 55, pp. 1-99.

Rouban L. Vers l'Etat impartial ?, Cahiers français, 2012, 370, pp. 52-56.

Sarkozy N. Le discours d'investiture, 14 janvier 2007. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (дата обращения: 12.02.2013).

Suleiman E. L'administrateur et le député en France, Revue française de science politique, 1973, 23 (4), pp. 729-757.

Suleiman E. L'élite aurait intérêt à s'ouvrir plus, Le Monde, 2013, 23 août.

Suleiman E. Les schisophrénies françaises. P.: Grasset, 2008.

Vasconcellos M., Daniel C. Education: Grandes tendances, in: L'état de la France, 2011-2012. Paris: La Découverte, 2011, pp. 58-65.

Veltz P. Faut-il sauver les grandes écoles? De la culture de la sélection à la culture de l'innovation. Paris: Sciences Po, 2007.

REFERENCES

Bernstein S. Nature et fonction des cultures politiques, in: Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Seuil, 1999, pp. 11-36.

Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France. Paris: Seuil, 1994.

Bourdieu P. La noblesse d'Etat: grandes écoles et esprit de corps. Paris: Ed. de Minuit, 1989.

Bourdieu P., Passeron J.-Cl. La reproduction: Eléments d'une théorie du système d'enseignement. Paris: Ed. de Minuit, 1970.

Chirikova A.E., Lapina N.Yu. Zhenschina na vysshih etazhah vlasti. Rossiyskie praktiki i frantsuzskiy opyit [Chirikova A. Ye., Lapina N. Yu. A woman at the top

levels of government. Russian practices and French experience], Moscow: IS RAN, 2009. (In Russian).

Konstitutsiya Frantsuzskoy respubliki 1958 [Constitution of the French Republic, 1958], URL: http://www.conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (available 25.06.2013). (In Russian).

Dati R., Ascolovitch Cl. Je vous fais juges. Paris: Bernard Grasset, 2007.

De Gaulle et les élites, sous la dir. de S. Bernstein, P. Birnbaum, J.-P. Rioux. Paris: La Découverte, 2008.

En politique, les femmes ont encore mauvais genre, Observer les inégalités, 2008, 20 novembre. URL: <http://www.inegalites.fr/spip.php?article953> (available: 18.07.2012).

Enorme: BHL à la télé ukrainienne. 12 août 2014. URL: www.les-crisis.fr/enorme-bhl-a-la-tele-ukrainienne (available: 18.08.2014).

Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. 2014. URL: http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html (available: 12.09.2014).

Formerly S.-L. La Constitution commentée article par article. 15-ème éd. Paris: Hachette, 2012.

Fractures françaises 2013 — vague 1. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/resultats> (available: 17.07.2014).

Fractures françaises 2014 — vague 2. URL: <http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/fractures-francaises-2014-vague-2> (available: 17.07.2014).

Gallaud P., Lemel Y. La société française. Pesenteurs et mutations: le bilan. Paris: Armand Colin, 2006.

Goll de Sh. Ostrie shpagi [*Gaulle C. de.* The Edge of the Swor], Moscow: Evropa, 2006. (In Russian).

Zhiskar d'Esten V. Vlast i zhizn [*Giscard d'Éstaing V.* Power and Life], Moscow: Mezhdunarod. otnosheniya, 1990. (In Russian).

Hartmann M. Modeli obrazovaniya elit v Evrope // Vlastnyie strukturyi i gruppyi dominirovaniya: Materialyi desyatogo Vserossiyskogo seminaru «Sotsiologicheskie problemyi institutov vlasti v usloviyah rossiyskoy transformatsii» [*Hartmann M.* Models of the education of elites in Europe, in: Power Structures and Dominating Groups], ed. by A.V. Duka. Saint Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 10-39. (In Russian).

Joly H. Les élites politiques: regard croisé sur le cas français, in: Formation des élites en France et en Allemagne, sous la dir. de H. Joly. Paris: CIRAC, 2005, pp. 149-167.

La trahison des élites françaises: et à part de tempêtes politiques stériles, de quoi nous parle-t-on? URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/trahison-elites-francaises-et-par-tempetes-politiques-steriles-auoi-parle-t-on-corinne-lepage-michal-foesse-michel-maffesoli-1018456.html#SjFB7r6tyDWR75uH.99> (available: 16.07.2014).

Lacouture J. Paroles de présidents. Paris: Dalloz, 2012.

Lapina N. Politicheskaya elita Frantsii: motivatsiya, karernye traektorii, professiya politika v nachale XXI v. // Politicheskaya elita Frantsii: motivatsiya, karernye traektorii, professiya politika v nachale XXI v. // Vlast i elityi [*Lapina N.* Political elite of France in the beginning of the XXI century: motivations, career paths and vocation, in: Power and Elites], ed. by A. Bystrova, A. Duka, D. Tev. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis, 2014, pp. 137-160. (In Russian).

Lapina N.Yu. Vospriyatie Rossii v sovremennoy Frantsii: formirovanie vneshnepoliticheskikh obrazov // Aktualnyie problemy Evropyi [*Lapina N. Yu.* The perception of Russia in contemporary France: the formation of foreign policy images, Actual problems of Europe], 2015, 2, pp. 151-176. (In Russian).

Le plafond des maires, Express, 2014, 21-17 mai, 3281, p. 86-88.

Le Point. Paris, 2009. 16 oct.

Les cultures politiques en France, sous la dir. de S. Bernstein. Paris: Sueil, 1999.

Lionel raconte Jospin. Le sens d'une vie, entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Seuil, 2010.

Morua A. Esse [*Maurois A.* Essays], Moscow: Soglasie, 2001. (In Russian).

Mayaffre D. Nicolas Sarkozy: Mesure et démesure du discours (2007-2012). Paris: Sciences Po, 2012.

Milasich S. Frantsiya-Rossiya: Shodstva i razlichiya // Politicheskie institutyi Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost' [*Milacic S.* France and Russia: similarities and differences, in: Political Institutions of Russia and France: traditions and modernity], ed. by D.V. Yefremenko and N.Yu. Lapina. Moscow: INION RAN, 2014, pp. 15-34. (In Russian).

Montalembert de G., Van der Plaetsen J.-R. Enquête sur les cercles et les lieux de pouvoir, Figaro Magazine, 2010, 29 avril, pp. 80-89.

Oger C. Le façonnage des élites de la République. Culture générale et haute fonction publique. Paris: Presses de Sciences-Po, 2008.

Perrineau P. La crise de la représentation politique, in: La politique en France et en Europe, sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. Paris: Presses des Sciences Po, 2007, pp. 11-34.

Qu'est-ce que la France, sous la dir. de A. Finkielkraut. Paris: Stock/Panama, 2007.

Radiographie des députés français sur le Twitter. [8.09.2013-21.12.2013] URL: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (available: 11.07.2014).

Rouban L. La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande. Paris: CEVIPOF, avril 2015. URL: http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1291/publication_pdf_note.luc.rouban.avril.2015.pdf (available: 8.05.2015) [2015a].

Rouban L. Le Conseil d'Etat. 1958-2008. Sociologie d'un grand corps, Les Cahiers de CEVIPOF, 2008, 49, pp. 1-118.

Rouban L. Le nouveau pouvoir urbain en 2014: les maires des villes de plus de 30000 habitants. URL: [http:// www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban_4.1.pdf](http://www.cevipof.com/fichier/p_publication/1214/publication_pdf_noterouban_4.1.pdf) (available: 8.08.2014).

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, Revue française d'administration publique, 2015, 2, pp. 377-390. [2015b].

Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958-2007, Cahiers du CEVIPOF, 2011, 55, pp. 1-99.

Rouban L. Vers l'Etat impartial ?, Cahiers français, 2012, 370, pp. 52-56.

Sarkozy N. Le discours d'investiture, 14 janvier 2007. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (available: 12.02.2013).

Suleiman E. L'administrateur et le député en France, Revue française de science politique, 1973, 23 (4), pp. 729-757.

Suleiman E. L'élite aurait intérêt à s'ouvrir plus, Le Monde, 2013, 23 août.

Suleiman E. Les schisophrénies françaises. P.: Grasset, 2008.

Tokvil A. de. Staryiy poryadok i revolyutsiya [Tocqueville A. de. The Old Regime and the Revolution], Moscow: Moscow Philosophical Foundation, 1997. (In Russian).

Vasconcellos M., Daniel C. Education: Grandes tendances, in: L'état de la France, 2011-2012. Paris: La Découverte, 2011, pp. 58-65.

Veltz P. Faut-il sauver les grandes écoles? De la culture de la sélection à la culture de l'innovation. Paris: Sciences Po, 2007.